

КОНСТАНТИН
СТАНЮКОВИЧ

БЕСПОКОЙНЫЙ
АДМИРАЛ

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С76

Станюкович, К.М.

С76 Беспокойный адмирал / К.М. Станюкович. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2018. — 196 с. —
(RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-517-00180-1

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Константина Михайловича Станюковича «Беспокойный адмирал».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00180-1

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018
© Т8 Издательские технологии, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

БЕСПОКОЙНЫЙ АДМИРАЛ.....	5
В ШТОРМ.....	159
БЛЕСТЯЩИЙ КАПИТАН.....	179

БЕСПОКОЙНЫЙ АДМИРАЛ

I

В это прелестное, дышавшее свежестью раннее утро в Тихом океане на вахте флагманского корвета «Резвый» стоял первый лейтенант Владимир Андреевич Снежков, прозванный в шутку матросами «теткой Авдотьей».

Прозвище это не лишено было меткости.

Действительно, и в полноватой фигуре лейтенанта, и в его круглом и рыхлом, покрытом веснушками лице, и в его служебной суетливости, и в тоненьком, визгливом тенорке было что-то бабье.

Собой Владимир Андреевич был далеко не казист. Благодаря своим выкатившимся рачьим глазам он всегда имел несколько ошалелый вид. У него были рыжие жидкие баки и усы, очень толстые губы и большой неуклюжий мясистый нос, украшенный крупной бородавкой. Эту бородавку, смущавшую лейтенанта особенно перед приходами в порты, корветский доктор хвастливо обещал свести, но до сих пор не свел, к большому огорчению Владимира Андреевича.

Обыкновенно бывавший на вахтах в удрученном толении трусливого человека, ожидавшего «разноса», Снежков сегодня находился в хорошем расположении духа. Он с беззаботным видом шагал себе по мостику, посматривая

то на океан, кативший с тихим гулом свои могучие волны, сверкавшие под ослепительными лучами солнца, то на надувшиеся белые паруса, мчавшие «Резвый» благодаря ровному попутному ветру до десяти узлов в час, то на только что вымытую палубу, на которой происходила теперь ожесточенная обычная утренняя чистка, то на клипер «Голубчик», который, слегка накренившись, похожий на белоснежную чайку, несясь чуть-чуть впереди, убравши брамсели, чтоб уменьшить свой бег и не «показывать пяток», как говорят моряки, корвету, с которым, по приказанию адмирала, шел соединенно от Сан-Франциско до Нагасаки.

По временам Владимир Андреевич, несмотря на свой солидный вид человека, отзвонившего в лейтенантском чине двенадцать лет и недавно отпраздновавшего тридцатипятилетнюю годовщину, даже тихонько подсвистывал игривый вальсик, слышанный им в сан-францисском кафешантане и живо напоминавший ему о знакомстве с очаровательной певичкой-американкой.

Воспоминания об этих недавних днях были приятные, черт возьми! Нужды нет, что в две недели стоянки певичка заставила своего влюбленного поклонника спустить не только жалованье за два месяца, но и все его небольшие сбережения за два года плавания. Он об этом не жалеет, до того неотразима была эта мисс Клэр, пухленькая блондинка с золотистыми волосами и карими глазками, сразу овладевшая мягким сердцем Владимира Андреевича, как только он съехал на берег после месячного перехода, увидел эту мисс и, познакомившись, пригласил ее любезной пантомимой вместе поужинать.

Он отлично объяснялся с ней, и чем дальше, тем лучше, несмотря на то, что знал по-английски не более десятка-другого слов. Но зато каких слов! Всех самых существенных и нежных, которые он добросовестно вызубрил по лексикону и повторял в различных комбинациях, подкрепляя их мимикой, особенно выразительной после двух-трех бутылок шампанского.

Слава богу, ему не нужно было прибегать к помощи кого-нибудь из товарищей, знающих английский язык, как он имел глупость делать прежде. Теперь он и сам храбро выпаливал английские слова, не заботясь ни о малочисленности, ни об их логической связи. Придет он к мисс Клэр в гостиницу, поклонится, поцелует ручку, сядет около и, взорвившись на нее, словно кот на сало, начнет, как он выражался, «отжаривать»:

— Добрый день... милая... очень рад... который час... отлично... как ваше здоровье... очаровательная... выпить, ехать... ножки... ручки... очень хорошо... восторг...

«Отжарив» эти слова, он начинал снова, но уже в обратном порядке, начиная с «восторга» и кончая «добрым днем», и разговор выходил хоть куда! Мисс Клэр хохотала как сумасшедшая, трепала лейтенанта по рыхлой щеке и отвечала милыми речами. Что она ему говорила, Снежков, разумеется, и до сих пор не знает, но тогда он делал вид, что все понимает, убеждая ее в этом весьма простым способом: он вынимал из кармана несколько золотых монет, больших, средних и малых, клал их на свою широкую пухлую ладонь и предлагал знаками выбрать одну из них на память.

Но американка с такой ловкостью стягивала своей маленькой ручкой сразу все монеты с ладони лейтенанта, что

он приходил в восхищение и после такого фокуса в восторге лепетал свои заученные слова.

Никогда впредь не обратится он в таких делах к чужому посредничеству. Знает он этих переводчиков! Влюбчивый и ревнивый, Владимир Андреевич не забыл и теперь, как года полтора тому назад с ним бессовестно поступил мичман Щеглов в Каптауне. Нечего сказать, благородно!

В качестве переводчика мичман обедал на счет Владимира Андреевича в обществе строгой на вид, чинной и красивой англичанки не первой молодости, «благородной вдовы, случайно попавшей в Каптаун после кораблекрушения, лишившего ее всего состояния», которую лейтенант, при любезном посредстве мичмана, не замедлил пригласить обедать в номер гостиницы после первой же встречи на улице и краткого знакомства с ее биографией.

Казалось, Щеглов самым добросовестным образом переводил комплименты и излияния лейтенанта, уплетая при этом вкусный заказной обед с волчьим аппетитом двадцатилетнего мичмана. Казалось, что и англичанка, работавшая своими челюстями с не меньшим усердием, чем мичман, пившая не хуже самого Владимира Андреевича и ставшая к концу обеда менее строгой на вид, довольно милостиво слушала переводчика, бросая по временам благосклонные взгляды на амфитриона, пожирившего жадными взглядами и белую шею, и полные руки этой дамы. Оставалось только разведать о наилучших путях к сердцу «благородной вдовы, потерпевшей кораблекрушение». И эту щекотливую миссию Щеглов исполнил, по-видимому, вполне удовлетворительно, так что Владимир Андреевич на радостях потребовал еще шампанского. Затем последовали коньяк и кофе, и

когда лейтенант вышел на минутку в сад, чтобы несколько освежить голову после капских вин, шампанского и коньяку, и затем вернулся в номер, ни вдовы, ни мичмана не было. Лакей доложил, что они уехали кататься и обещали скоро вернуться, и подал кругленький счетец.

Взбешенный Владимир Андреевич напрасно прождал их до позднего вечера. Они так и не приехали, а мичман, на следующее утро вернувшийся на корвет, с самым серьезным видом утверждал, что «благородная вдова, потерпевшая крушение», внезапно почувствовала себя нездоровой и настойчиво просила ее увезти.

— Что мне было делать?.. Согласитесь, что я не виноват, Владимир Андреевич... И она, знаете ли, не какая-нибудь авантюристка, а настоящая леди!.. — прибавил мичман, подавая улыбку.

С тех пор Владимир Андреич уж не брал с собой на берег переводчиков, а принялся за лексикон. И опыт в Сан-Франциско доказал, что он отлично может объясняться по-английски.

Лейтенант снова взглянул на паруса — стоят отлично; взглянул на компас — на румбе; озабоченно взглянул на люк адмиральской каюты — слава богу, закрыт.

И он опять зашагал по мостику.

После воспоминаний о прошлом в его голове проносились приятные мысли о близком будущем. В самом деле, плавание предстояло заманчивое. И флаг-капитан и флаг-офицер еще вчера положительно утверждали, что «Резвый» из Нагасаки пойдет в Австралию и посетит Сидней и Мельбурн, а «Голубчик» отправится в Гонконг для осмотра своей подводной части в доке, а оттуда в Новую Каледонию, где

должен ожидать «Резвого» с адмиралом... Бедный «Голубчик»! — ему не «пофартило». Новая Каледония с дикими черномазыми дамами!

«А Сидней и Мельбурн — отличные порты, не то что эти китайские и японские трущобы с узкоглазыми туземками, достаточно-таки надоевшими», — размышлял Владимир Андреевич и, предвкушая будущие удовольствия, весело улыбнулся и опять стал подсвистывать, вызывая некоторое недоумение в сигнальщике, который привык видеть на вахте Снежкова всегда озабоченным, суетливым и удрученным.

«Что за диковина? Тетка Авдотья веселая!» — подумал сигнальщик.

Подобное необычайное настроение Владимира Андреевича с подсвистываньем и приятными воспоминаниями объяснялось исключительно тем счастливым обстоятельством, что «беспокойный адмирал», как звали про себя начальника эскадры солидные капитаны и лейтенанты, или «свирепый Ванька» и «глазастый черт», как более образно втихомолку выражались легкомысленные мичмана и гарде-марины, ни разу не выходил наверх во время его вахты и — бог даст! — не выйдет до подъема флага, до восьми часов, когда вахта окончится. Вчера беспокойный адмирал поздно лег спать и, верно, проспит долго!

Все на корвете боялись беспокойного адмирала, но никто так не трусил его, как Владимир Андреевич. Усердный служака, но далеко не моряк по призванию, нерешительный, трусливый и достаточно-таки рохля, он в присутствии адмирала совсем терялся, и робкая его душа замирала от страха, что ему «попадет». Ему действительно довольно-таки часто попадало, и Владимир Андреевич краснел и пыхтел, шептал